

# Верующий безбожник

ПРАВИЛА ЖИТИЯ  
АЛЕКСАНДРА  
ЗИНОВЬЕВА

ЦЕННОСТИ

Александр БАНГЕРСКИЙ

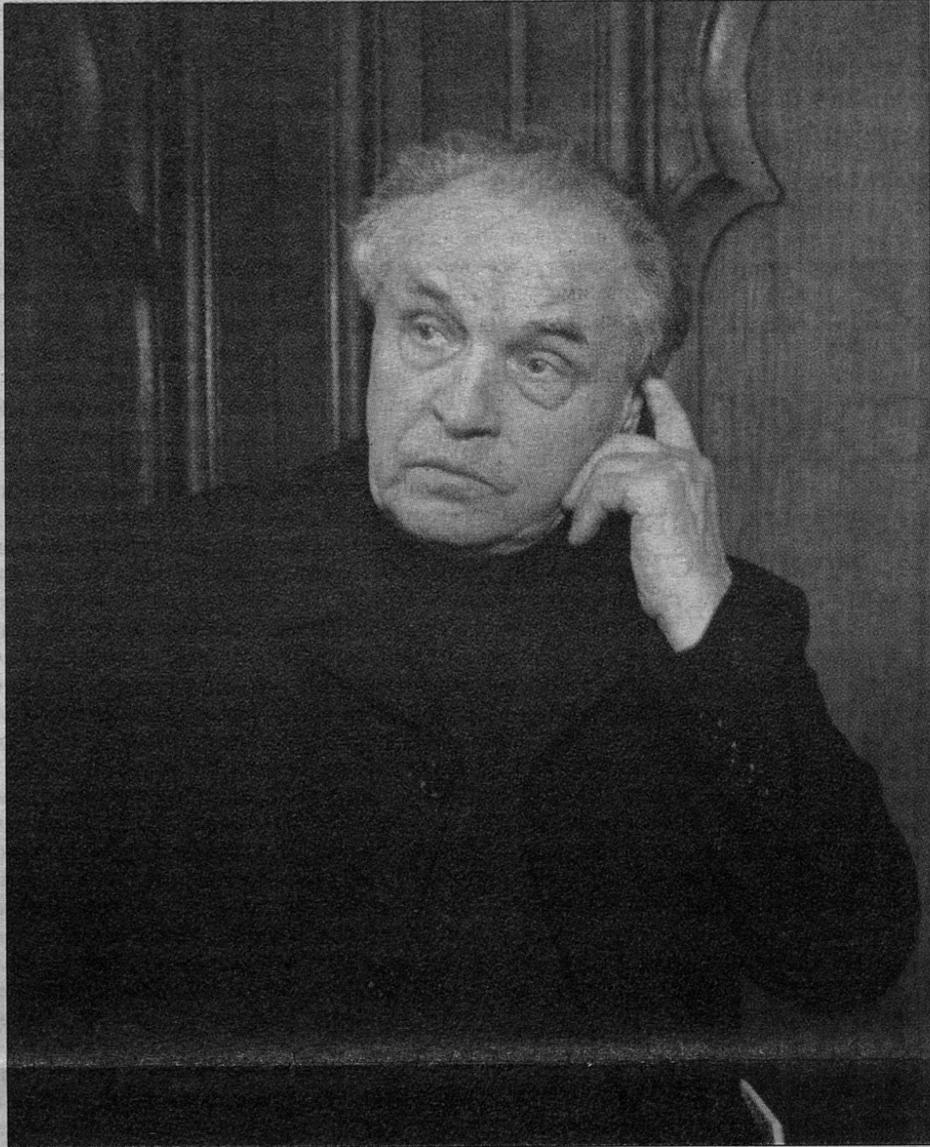
Э то интервью я взял у Александра Зиновьева в конце октября 1992 года, когда ему исполнилось 70 лет. Однако опубликовано оно тогда не было. Зиновьев подводил итоги, оглядываясь на юность, на поворотные моменты, сделавшие его таким, каким он был. Однако ему было отпущено еще тринадцать с лишним лет, которые он прожил, как всегда, страстно отстаивая свою точку зрения. Теперь, когда Зиновьева не стало и на его феномен можно посмотреть как на завершенность, особое значение приобретает генезис его взглядов и личности.

— **Что вы испытываете, разменяв восьмой десяток?**

— Никогда не думал, что дотяну до такого возраста. В моей книге «Нашей юности полет», которую в брежневские годы считали антикоммунистической, а теперь не печатают в России под тем предлогом, что она якобы оправдывает сталинизм, есть такой рассказ: умирает человек, родившийся в годы революции и переживший все трудности истории страны. У постели умирающего возникает спор между Богом и Дьяволом на тему: согласится умирающий повторить прожитую жизнь или нет. Бог агитирует за повторение жизни и старается пробудить в памяти человека то хорошее, что ему довелось пережить. Дьявол же, наоборот, старается напомнить человеку о плохом в прожитой жизни. Просмотрев в памяти свою жизнь и взвесив все «за» и все «против», человек принял решение не повторять ее. В этом рассказе я выразил мои собственные умонастроения. Если бы мне сейчас всемогущий Бог предложил пережить мою жизнь снова, я бы и без подсказок Дьявола категорически отказался.

— **Как вы стали писателем?**

— Первое мое литературное произведение было опубликовано в 1976 году, когда мне было 54 года. Это были «Зияющие высоты». Но литературным творчеством я начал заниматься еще в детстве и занимался им всю жизнь. Только я не знал, что это — творчество, да к тому же литературное. И никто, буквально никто из тех, кто был знаком с этим ас-



Александр Зиновьев: я не представляю общественного устройства, лучше советского

чалось, как правило, неожиданно для меня самого. С 11 лет я начал рисовать карикатуры и сочинять тексты к ним в стенных газетах. Сколько их было — невозможно сосчитать. Я всегда вел в них отделы сатиры и юмора. Иногда в одиночку выпускал целые специальные сатирические стенгазеты, в армии один делал «боевые листки», порою — по несколько штук в день. Причем ни о каких претензиях на авторство при этом и речи быть не могло. Мои литературные упражнения не ограничивались стенными газетами. Тридцатые годы были годами повального увлечения литературой. Причем не только чтением, но и сочинительством. Участвовал и я в этом. И опять-таки отношение к моим сочинениям

ду в книге «Светлое будущее». Это относится и к многим стихотворениям в книгах «Евангелие для Ивана» и «Желтый дом».

В 1946 году я демобилизовался из армии и приехал в Москву с чемоданом, набитым рукописями, а не трофейными вещами, как другие офицеры. Я тогда решил попробовать напечатать повесть, которую написал незадолго до демобилизации.

Я показал эту повесть двум писателям. Один из них повесть похвалил, но посоветовал ее уничтожить, если я хотел уцелеть. Узнав, какому второму писателю я ее показал, он посоветовал немедленно забрать у него рукопись и уничтожить вообще все написанное мною. Мне повезло. Я успел забрать рукопись у этого писателя под каким-то предлогом. Но он успел с десяток страниц просмотреть. На другой день ко мне явились с обыском, но ничего не нашли. Это была моя первая и последняя попытка напечатать мои сочинения в России.

— **Но вы продолжали писать «в стол»?**

— Нет. После этого наступила 30-летняя пауза. Но хотя мне тогда казалось, что я раз и навсегда покончил с литературой, все эти 30 лет я продолжал литературную деятельность в том же духе, как до этого. За эти годы я накопил в памяти материала на десятки книг. Не думая при этом о том, что когда-нибудь эти книги станут реальностью.

Послесталинские годы в Москве были годами расцвета беспрецедентного в истории литературы феномена: интеллигентского фольклора. Во всех компаниях, в которых мне приходилось бывать, по многу часов подряд велись разговоры, насыщенные остроумиями, анекдотами, литературно препарированными сплетнями и вымышленными историями. Никто не мог и подумать о том, чтобы все это публиковать. Гений народа испарялся в этой болтовне в ничто. Моей узкой специальностью в этих разговорах было высмеивание марксизма, коммунистической системы, представителей власти. Обычно я обыгрывал марксистские изречения или реальные истории, связанные с препода-

ванием марксизма. Например, марксистским идеям насчет эксплуатации человека человеком я придал такой вид: при капитализме один человек эксплуатирует другого, а при коммунизме — наоборот.

— **Но это же очень известный анекдот!**

— Да. А перед вами — его автор. А, скажем, марксистскому определению производственных отношений я придал такой вид: производственные отношения суть отношения между людьми в процессе их производства. На философском факультете МГУ я вел в стенгазете отдел сатиры и юмора. Мои шутки, анекдоты, байки были далеко не безобидными, а с годами становились все острее и опаснее.

— **А как вы перешли от «стихийного» издательства над Системой, характерного для многих представителей интеллигенции (да и не только интеллигенции) тех времен, к «сознательной» критике идеологии?**

— Сам ход жизни неумолимо выталкивал меня на роль отщепенца в советском обществе. А теперь могу сказать: и в русском обществе. Причем не вследствие каких-то политических и идеологических причин, а совсем на другой основе. Ссылки на политику и идеологию были лишь поводом и давали самооправдание всем тем, кто выталкивал меня на эту роль и кто до сих пор бойкотирует результаты моего творчества в логике, социологии и литературе.

Судьба моя сложилась так, что вся моя сознательная жизнь оказалась связанной с проблемами советского, то есть социалистического или коммунистического общества. Я был одержим ими как в плане моих личных взаимоотношений с этим обществом, так и в плане его познания. У меня с детства стало складываться критическое отношение к нему. Не буду рассказывать о перипетиях моей жизни вследствие этого. Скажу кратко о результате моего жизненного опыта и размышлений на этот счет.

Первоначально мое отношение к советскому обществу строилось главным образом эмоциональным и ориентированным на личность Сталина. Но в годы войны и в первые послевоенные годы оно сменилось отношением обобщенным и сугубо рациональным. Я его для себя в то время сформулировал так: коммунистические идеалы были самыми светлыми и прекрасными в истории человечества. Но, как говорится, дорога в ад вымощена благими намерениями. Воплощение коммунистических идеалов в жизнь породило не земной рай, как обещали коммунисты, а нечто такое, что скорее напоминало ад. Однако, говорил я себе, я не вижу и не представляю себе никакого другого общественного устройства, которое для меня было бы лучше, чем советское. Потому я не хочу и не буду бороться против него. Не хочу даже реформировать его. Я его принимаю как данное мне от рождения явление природы.

Моя проблема — каким должен быть я сам, чтобы сохранить личное достоинство и внутреннюю свободу в рамках этого общества. Идеального общества вообще никогда не было, нет и не будет. Зато я могу сам, из самого себя, создать идеальное государство из одного человека.

Именно в коммунистическом обществе, и ни в каком другом, это возможно для человека, начинающего свой жизненный путь с самых низов социальной иерархии. Если у тебя есть способности и если ты будешь добросовестным работником в области твоей профессии, ты можешь со временем занять приличное положение в обществе. Большую карьеру не сделаешь, но ведь тебе это и не нужно: ты готов довольствоваться весьма скромным уровнем. Именно в коммунистическом обществе, и ни в каком другом, ты сможешь выработать такую систему принципов поведения, следуя которой будешь жить с сознанием идеального человека, как ты его себе представляешь, и пользоваться уважением окружающих.

Окончание на стр. 40

## Коммунистические идеалы были самыми светлыми и прекрасными в истории человечества

пектом моей жизни, ни разу не сказал мне об этом и не посоветовал стать писателем. Наоборот, я всегда ощущал в моем окружении боязнь того, что я вдруг всерьез займусь литературной деятельностью и добьюсь какого-то успеха. Уже после опубликования «Зияющих высот» один очень влиятельный западный логик, до этого включавший меня в число трех крупнейших логиков современности, сказал мне на международном философском конгрессе, что я напрасно написал эту книгу. После этого он никогда и нигде не упоминал мое имя как логика и приложил усилия к тому, чтобы другие последовали его примеру.

Моя литературная деятельность началась, когда я потешал односельчан шутками, не отдавая себе отчета в том, что это были шутки. Эта способность «хохмить», как говорили в годы моей молодости, непроизвольно проявлялась всю мою жизнь, во всех ситуациях, когда вокруг меня были люди, способные реагировать на остроты и шутки. Я никогда не прилагал никаких усилий к этому. Это полу-

было какой-то ледящей холодностью. Других обсуждали — хвалили или ругали. А по моему поводу всегда было недоумение и молчание. Как будто я был существом иной, враждебной им природы, инопланетянином. Так, с самоощущением инопланетянина, я и прожил свои 70 лет.

В 1942 году в нашем авиационном училище появилась «Баллада о неизвестном курсанте», чрезвычайно талантливая, но скабрзная и похабная. Я сочинил свою «Балладу о неудачниках», но уже с политическим оттенком. Пускать ее по рукам было нельзя: Особый отдел наверняка бы нашел автора, и меня, разумеется, отправили бы в штрафной батальон. Я несколько не ценил сделанное и уничтожил балладу. Потом я ее реконструировал для «Зияющих высот». И вообще многое в моих опубликованных литературных произведениях было воскрешением в памяти и реставрацией того, что я сочинял еще в молодости. Так, например, стихотворение «Гост» я сочинил еще в мае 1945 года, а опубликовал лишь в 1978 го-

20.05.06  
Зиновьев Александр

220

# Верующий безбожник

ЦЕННОСТИ

Александр БАНГЕРСКИЙ

Окончание. Начало на стр. 09

Что касается твоего стремления понять сущность коммунистического общества, то ты можешь вполне удовлетворить свое интеллектуальное любопытство, занимаясь изучением этого общества в свободное от профессиональной работы время, в качестве хобби. Поскольку ты будешь это делать лишь для самого себя, а не для публикации (об этом и думать нечего), ты будешь совершенно свободен от всяких идеологических ограничений.

Вот так я думал тогда. И так поступал в дальнейшем, вплоть до начала 70-х годов, в корне перевернувших ход моей жизни. Профессиональная работа в области логики и методологии науки, исследовательская и преподавательская работа захватили меня целиком. Я дни и ночи просиживал над сложнейшими логико-математическими проблемами. Работал я в логике весьма успешно. У меня было много студентов и аспирантов, которые требовали внимания. Должен сказать, что в эти годы — хрущевские и первые пять лет брежневского правления — в стране начался необычайный творческий подъем, который коснулся и моей среды.

Я выработал для себя систему правил поведения, «правил жития», как я их называл. Впоследствии описание их составило значительную часть содержания моих книг. Я эти правила приписывал моим литературным персонажам, в частности — Ивану Лаптеву, главному герою книги «Иди на Голгофу», которая была опубликована на Западе в 1985 году.

— А что это были за правила?

— Ну, вот несколько примеров: я отвергаю стремление к материальному благополучию, хотя и не настаиваю на отказе от него. Современное общество в изобилии рождает соблазны. Но одновременно создает возможности довольствоваться малым. Оно создает возможности иметь все, не имея ничего.

*Лучше не иметь, чем терять. Учись терять. Учись оправдывать свою потерю и находить ей компенсацию.*

*Не приобретай того, без чего можно обойтись.*

*Сохраняй личное достоинство. Держи людей на дистанции. Сохраняй независимость поведения.*

*Относись ко всем с уважением! Будь терпим к чужим убеждениям и слабостям.*

*Не унижайся, не холуйствуй, не подхалимничай, чего бы это ни стоило.*

*Не смотри ни на кого свысока, если даже человек ничтожен и заслужил презрение.*

*Воздай каждому должное. Гения назови гением, героя — героем. Не возвеличивай ничтожество.*

*С карьеристами, интриганами, доносчиками, клеветниками и прочими плохими людьми не будь близок. Из общества плохих людей уйди.*

*Обсуждай, но не спорь. Беседуй, но не разглаговльствуй. Разъясняй, но не агитируй. Если не спрашивают — не отвечай. Не отвечай больше того, что спрашивают.*

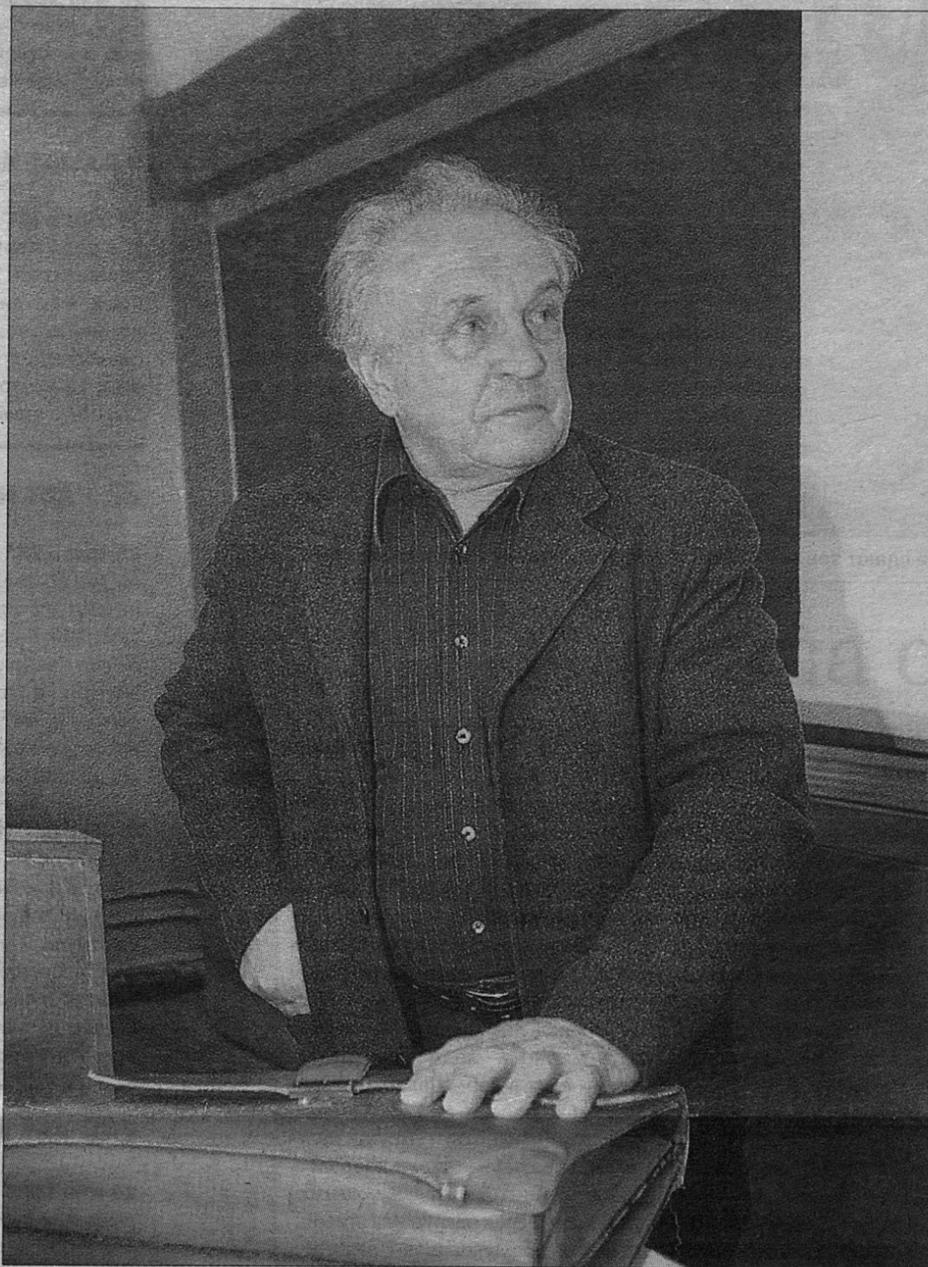
*Не привлекай к себе внимания. Если можешь обойтись без чужой помощи — обойдись.*

*Свою помощь не навязывай. Не заводи слишком интимных отношений с людьми. Не лезь к другим в душу, но и не пускай никого в свою.*

*Обещай, если уверен, что выдержишь обещание. Пообещав — содержи обещание любой ценой.*

*Не обманывай, не хитри, не интригуй, не поучай. Не злорадствуй.*

*В борьбе предоставь противнику все преимущества.*



Из самого себя он смог создать идеальное государство

*Не насилуй других. Насилие над другими не есть признак воли. Лишь насилие над собой есть воля.*

*Но не позволяй и другим насиловать тебя. Соприставляйся превосходящей силе любыми доступными средствами.*

*Будь добросовестным работником. Будь во всем профессионалом, будь на высоте культуры своего времени. Это дает какую-то защиту и внутреннее ощущение правоты.*

*Не присоединяйся ни к каким коллективным акциям. Если участие в них неизбежно, участвуй в них как автономная единица, не поддавайся настроениям и идеологии толпы.*

*Действуй в силу личных убеждений.*

*Не совершай ничего противозаконного.*

*Не участвуй во власти. Не участвуй в спектаклях власти. Игнорируй все официальное.*

*Не вступай в конфликт с властью по своей инициативе, но и не уступай ей. И ни в коем случае не обожествляй власть.*

*Игнорируй официальную идеологию. Любое внимание к ней укрепляет ее.*

Если вы вдумаетесь в эти правила, вы заметите, что каждое из них было антитезой тому, что стало господствовать в реальности. Сущность моей системы «правил жития» можно выразить одной фразой, которую мать многократно внушала мне еще в детстве: «Ты можешь думать, будто Бога нет, но жить ты все равно должен так, как будто некое высшее всевидящее и справедливое существо наблюдает каждый твой поступок и читает каждую твою мысль».

Так, верующим безбожником, я и прожил всю жизнь. Это было не так-то легко. Скорее — плохо, чем хорошо. Тем не менее я прожил свою жизнь благодаря моим «правилам жития» так, что мне не стыдно вспоминать ее, причем, несмотря ни на что, я несколько не сожалею о том, что основ-

ную ее часть прожил в России советской, коммунистической.

Хотя логика отнимала у меня почти все силы и время, я все же как-то ухитрялся удовлетворять и свою юношескую страсть — страсть к познанию общества, в котором я жил. Я разработал свою собственную общую социологию и теорию коммунистического общества. Мои социологические идеи образовали впоследствии основное содержание моих литературных сочинений, социологических эссе и публицистических ста-

**Не вступай в конфликт с властью по своей инициативе, но и не уступай ей. И ни в коем случае не обожествляй власть**

тей. Поскольку социологические исследования были для меня лишь хобби, я мог позволить себе что угодно, включая как шуточные конструкции, так и нетрадиционные логико-математические модели. Разумеется, я при этом подвергал систематической критике с логической точки зрения марксистскую социологическую концепцию. Разделить исследование советского общества и критику его идеологической картины было никак невозможно. Для самого себя я разрабатывал теорию коммунистического общества вполне серьезно, противопоставляя ее марксистскому научному коммунизму, в котором я не находил ни одного слова научности.

— Ну и удалось разработать?

— Я считал это лишь предпосылкой настоящей теории, отдельные фрагменты которой я разрабатывал не спеша и между делом. Приведу в качестве примера некоторые общие идеи, из которых исходил в своем исследовании реального коммунизма. Говоря

о реальном коммунизме, я имел в виду не идеологический проект некоего общества всеобщего благополучия, а реально существовавший и доступный наблюдению тип общества. Классическим и исторически первым образцом такого общества я считал советское общество. Я, таким образом, отвергал марксистское различие двух стадий коммунизма — социализма и полного коммунизма — как бессмысленное с научной точки зрения. В Советском Союзе был построен самый полный коммунизм. Никакого другого «настоящего» коммунизма в реальности нет и в принципе быть не может. Определение и различие типов общественного устройства по принципам распределения жизненных благ и, тем более, по степени изобилия — есть свидетельство социологической безграмотности такого подхода.

Коммунизм приходит в жизнь различными путями. В России он возник в результате краха, явившегося следствием Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. В страны Восточной Европы он был принесен Советской армией, разгромившей гитлеровскую Германию. Но при всем разнообразии исторических путей возникновения коммунизма в том или ином уголке земного шара, общим является то, что он возникает не на пустом месте и не является абсолютно чужеродным той стране, где он завоевывает себе место. С этой точки зрения является ложным также и марксистское утверждение, будто коммунистические социальные отношения не складываются до социалистической революции, будто они не существуют в докоммунистическом и в некоммунистическом обществе.

Корни коммунизма существовали и существуют в той или иной форме в самых различных обществах. Существовали они и в предреволюционной России. Существуют они и в странах Запада. Без них вообще невозможно никакое достаточно большое и развитое общество. Это — суть социальные феномены, которые я называю феноменами коммунальности. Лишь в определенных условиях они могут стать доминирующими в обществе и породить специфический коммунистический тип общества — реальный коммунизм.

Но сами по себе феномены коммунальности универсальны и всеобщы. Они обусловлены самим тем фактом, что достаточно большое число людей вынуждается в течение жизни многих поколений жить как единое целое, совместно. К этим феноменам относятся, например, такие явления, как объединение людей в группы, отношения на-

чальствования и подчинения, государственные учреждения и массы чиновников, общественные организации, идеологическая обработка масс, массовые движения, полиция, армия.

Вот в таком направлении шли мои мысли о коммунистическом обществе в те годы. Тут мне пригодились все то, что я делал как профессионал в области логики и методологии науки. Печатали я это, повторяю, не собиравшись, поскольку был уверен в том, что никто такое публиковать не будет. Не забывайте о том, когда это было. Если уж в так называемой демократической России мои книги о коммунистическом обществе не печатают и бойкотируют, то можно ли было рассчитывать на публикацию моих идей в хрущевские и брежневские годы, когда нынешние мужественные борцы против коммунизма клялись в верности марксизму, лизали зад Брежневу и преследовали всякую серьезную критику советского общества.